

ГАВРИЛО

ТОЖЕ ПОДРОСТОК.

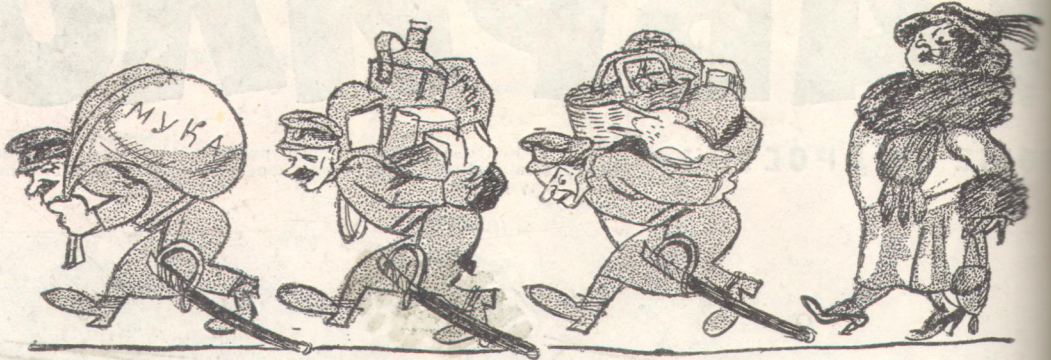
Контора Любимовского рудника (Донбасс) при составлении списков засчитала нескольких взрослых рабочих в брешь подростков по 3-му разряду.

МАЛЕН'КИЙ: Пойдем посмотрим „Кр... ю шапочку?“
БОЛЬШОЙ: Всегда готов!

ГУЖЕВАЯ МИЛИЦИЯ.

Начальник Криворожской проммилиции посылает своих милиционеров на базар с женой. Обратные милиционеры возвращаются нагруженные базарными покупками.

Эх, полным полна корбушка,
Ноет бедная спина.
Прицепилась, как хворобушка,
К нам Начмилова жена.
Милицейскую инструкцию
Из башки своей гони,
На базарную продукцию
Это все перемени.
Приказания начмилова
Не послушать не моги.

Для его семейства милого
Будь заменой слуги.

Для стола, чтоб кулинарского
Было много вкусных блюд,
Страж порядка пролетарского
Нагружайся, как верблюд.
О, начмил, забудь позицию
Старины гнилой людской
Нагружай свою милицию,
Но не мясом и мукой.

Комар.

Провинция.

Столичный молодой человек, восьмиразрядный сотрудник большого, как океанский пароход, учреждения, волею служебных судеб катил „по делам службы“ в уездный на юге городок.

Трое суток клокотал петух-паровоз, кудахтали вереницей наседки-вагоны. И, наконец,—вот она, благословенная провинция. Вот и он, низкорослый окружный городок.

Молодой, столичный человек снисходительно ступил на платформу маленького игрушечного вокзала.

— Ну, здравствуй, убогая матушка провинция, здравствуйте, уродцы-домишки, здравствуйте, пигмен-людишки!

— А что?!—мелькнуло в голове у молодого человека озорная мысль,— что, если, от нечего делать — выступить здесь с докладом о религии или еще того лучше... „о проблемах пола“... самая, можно сказать,—излюбленная в провинции темочка... И вот-то будет о чем порассказать у нас в столице... Ничего, что я в учреждении на восьмом разряде.. для такой глуши и мой разряд—много чести!..

С такими мыслями сладко заснул молодой человек, а спустя пару дней так по его прихоти и устроил сь, что стоял он докладчиком перед пестрядью лиц и множеством внимательных глаз, стоял, слегка подпрыгивая от волнения правой ногой, но тут же и успокаивая себя:

— Волноваться? Перед кем волноваться? Перед этим провинциальным тестом? О... какие пустяки...

...Откашлялся и, предвкушая бурю провинциального восторга начал со столичной развязностью:

— „Предметом моей темы, граждане, как вам уже из афиш известно“...

И — пошел, и — поехал.

Его слушали сначала внимательно, потом насторожившись; потом — подмигивая с перешептываньем. Кивали в рядах друг дружке:

— Ну ж и докладец.. несет человек околесицу, полагает, что ежели мы провинция то спинным мозгом и думаем..

— Ну и ересь...

— Ну и ерундовина... и чему их там в столицах учут? Да любой наш комсомолец...

Хлопки и бурные овации, увы, не покрыли законченного с пафосом полуторачасового доклада. Один задремавший зритель из десятого ряда, правда, шлепнул ладошкой об ладошку, но оглянулся и виновато притих.

Теперь, в свою очередь, провинциалы пошли высказываться по докладу.

Выходили на сцену „крыть“ докладчика — толстоногие, краснощекие девицы, парнишки в штанах клеш и при кимовских значках, говорили — рубцовали в такт речи — рукой:

— Делать доклад, товарищи, — это не девичьих болтологией развлекать...

— Прошла мода на половую еротику — нечего тут огарками чадить!

— Всей то столичности в нем, что галстук вязаный!

— Док — лад — чик!..

СПЕЦОДЕЖДА.

Рабочие жалуются на недостаток в кооперативах одежды, годной для рабочих.

ГОТОВЕЕ ПЛАТЬЕ

— Вот извольте-с для вас—цилиндр.
— А на что он мне без поршня?

Из мира открытий

Завклубом Красногоровского кирпичного завода предполагал открыть уголок Ленина, но вместо этого открыл буфет.
(Дикт. Труда).

Рек завклубом, полон прити
(Там, где зав, там есть и прить):
Век двадцатый—век открытий,
Как бы мне чего открыть?..
Я, как зав, стою на страже“..
И прервавши дум кольцо,
Зав открыл.. Буфет пусть даже
Но „открыть“—налицо... ЭН-ТЭ.

Л. Митницкий.

Досадные опечатки.

Напечатано:

За рубежом.
Лига Наций.
Несколько слов Чемберлена..
Фашист, сказал Муссолини, должен
убить родину.

Следует читать:

За грабежом.
Фига Наций.
Несколько колов Чемберлену.
Фашист, сказал Муссолини... дол-
жен убить родину. Эс.

УТЕРЯНЫ ПРИМЕТЫ.

При магазине Моссуко в Екатеринославе имеется швейцар, наряженный в богатую, шитую позументами, ливрею.

МОССУК

— Ваше превосходительство, а где здесь советский магазин?..

Беспризорный.

(Невероятное происшествие).

— Не узнаете?

Я открыл глаза и приподнялся на локте. Передо мною ядовито ухмыляясь, стоял хвост.

Вы спросите: чей? А черт его знает, просто хвост, или как говорят ученые, „хвост, как таковой“.

— Как-же, как-же! — заулыбался я, — сразу узнал. Присаживайтесь, товарищ хвост. Как дела?

— Как сажа беда, — буркнул, садясь посетитель. — Разве теперь жизнь? Иной раз,

правда у финотдеской кассы пристыжился или у киношников дающей зажигательную драму, постоишь, разве это очередь?

Сплошное извинение, оскорбление личности. А раньше... Эх, что вспоминать! Иной раз бывало в целую версту вытянешься. Красота! А пресса! Не было одной газеты и ни одного журнала, в которых-бы не писали обо мне. Сколько рассказов, сколько рисунков! Иной подлец на мне, почтительно целовало сапожки. Ботал. Вы тоже, ботушка, не зевайте, жетсы?

— М-да, — промямлил я, — был грех. Я, помнится, больше насчет дровяного и сахарного хвоста прохаживал стишонки мастачил.

— Вот, вот, — поддала собеседник. — Все вы, шелкопеты, возле меня кормились. А теперь... хоть бы на собаку тявкнули, хотя-б одну строчку тиснули. Другим и годовщину ваша ботинка справляет и юбилей с портретом затыкает, а тут хоть петитом какая-нибудь свинья вспомнила. — пристально глядя на меня, он добавил:

— И вы тоже — хороните гусь! То чуть на руке не носил, стихами жарил: А теперь при ладях, небось, и руки подадите; фанатисты набрались, другие, к теме есть... Эх!..

Я почувствовал, как краска жгучего стыда разлилась по всему телу, так что даже вышившаяся из под одетой

пятка сделалась кумачевой.

— Простите, товарищ Хвост, — зашептал я, — забыл... но клянусь я исправиться, ошибку, заглажу свою вину...

— Ну, то-то же не забывайте про хвост — скаламбурил посетитель, хлопая меня по плечу, а голос жены произнес: — Вставь Десятый час!

Я вскочил, не одеваясь бросился к столу и написал эти строки.

Теперь моя совесть спокойна.

Сергей Чмелев

Что было-бы...

Будь во время оно Ларек, не произошло грехопадения: Еве незачем было со-
зваться яблоками, каковые она могла
добести в любом киоске по 10 коп. за
штуку.

Будь Укрострой, не было-бы вавилон-
ского столпотворения и башня была-бы
самополучно достроена до конца.

Будь Книгоспилка—Христос читал-бы не
Библию, а что нибудь повеселее: напр.,
Метапа Вишню. Это предотвратило бы его
голодовки в пустыне, хождения по во-
дам и других необдуманных поступков.

Будь Лига „Время“—евреи не стали бы
пятнадцать лет шляться по пустыне без вся-
кой цели.

Будь „Гаврило“—Мильтиад не проиграл
Марафонскую битву: занимательное что-
то сократило-бы часы ожидания, а здоро-
вый смех успокоил-бы нервного полковод-
ца: поэтому он не начал-бы сражение пер-
вым и не был-бы побежден.

Эс-Че.

У каждого свое.

— Что у вас делают все эти сче-
товоды?

— А вот этот пишет единицы, тот—
десятки, третий—сотни, а вот тот
дальний—тысячи.

— А вы что пишете?

— Я пишу специально сотни тысяч
дефицита.

В Берлине.

— Что это толпа такая собралась
на углу? На кого это смотрят?

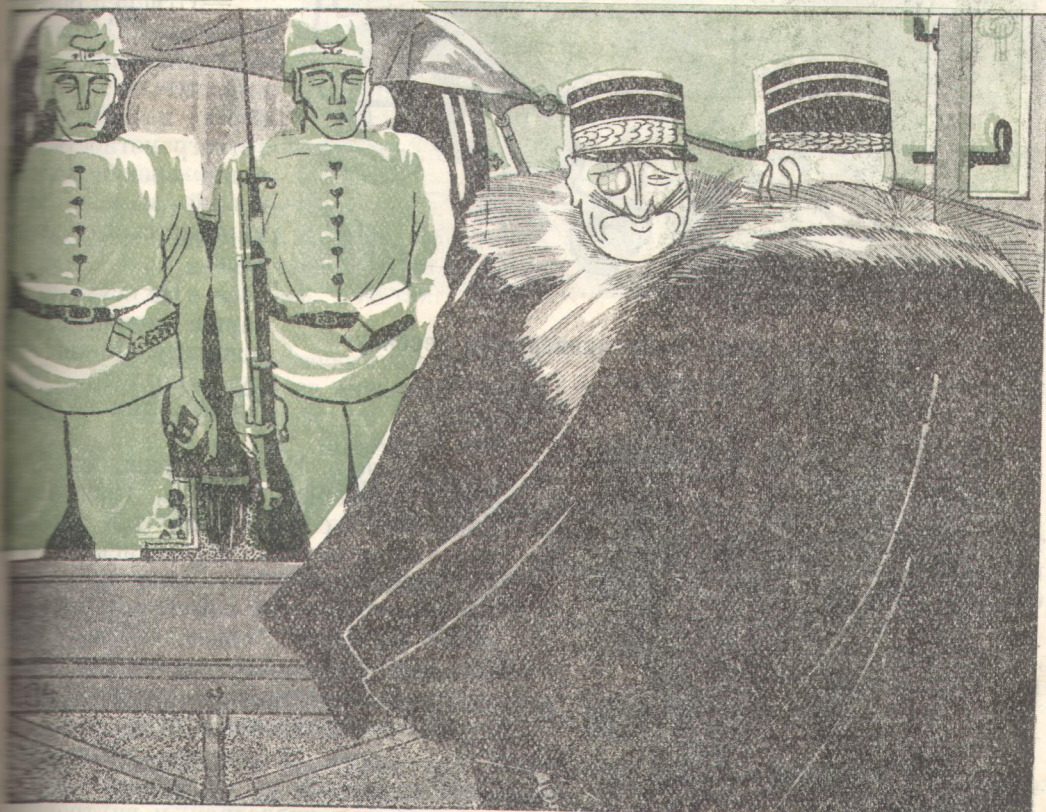
— А это министр социал-демократ
на улице показался.

— Что-ж за редкость такая?

— А дело в том, что этот министр.
до сих пор еще не украл ни одной ко-
пейки.

НАДЕЖНЫЕ СОЛДАТЫ.

Сопровождавшие автомобиль одного видного румын-
ского генерала на открытой площадке, солдаты были сняты
совершенно замерзшими.

— Я думаю, ваша светлость, этих солдат можно смело послать на совет-
скую границу. Они совершенно не поддадутся большевистской агитации и раз-
вращению.

Учительница трудшколы Х. Николаевского (Запор. окр.) каждый праздник посещает церковь и поет на клиросе.

— Ну, детки, споем нашу пионерскую песенку: —
„Бо-го-ро-ди-це дево, ра-дуй-ся“...

Октябринный комиссар.

— Если уж октябрины, Алешенька, то надо с парадом. Комиссара бы позвать какого-нибудь, чтоб новый человек был...

— Эх, баба! Опять не по людски. Для параду комиссар понадобился. А где я его возьму?

— Позови уж, Алешенька! А то так-то—что же...

... В назначенный для октябрин день все было готово в квартире,—стол накрыт по торжественному, красный угол был действительно красным убранным из клуба знаменами и лозунгом: „мы путь земле укажем новый, владыкой мира будет труд“. На фоне знамени—портреты вождей.

Ждали комиссара за которым вызвали сходить один из приглашенных гостей.

Вот за дверью слышался мягкий шаг и на пороге появился человек, одетый в моде 1919 года в кожаные обмотки. Грубо сверкала всевозможными и невозможными значками и жетонами вроде старого актерского портсигара. В животе—склад оптических и иных таинственных инструментов от граммофонной ручки до противог...

Напряженное ожидание разрешилось.

— Прошу к столу, товарищи! Забудьте, чем бог послал.

— Отменен бог-Декретом Совнарма!—отчеканил важный гость: мещанский образ мыслей и лирическая неграмотность точки зрения на текущий момент. В марксистского хода!

— Не осудите, товарищ комиссар, попросту. Какие тут подходы. Мы богатые, тем и ра...

как говорится!

— Ничего. К слову пришлось. А теперь, уважаемые господа, граждане, товарищи, в сегодняшний так сказать день, когда все мы собрались в честь празднования октябрин, предлагаю почтить вставанием память незабвенного моего товарища Фильки Сеньюшкина погибшего от злодейских замыслов буржуазии и революции. Прошу встать.

Гости растерянно встали.

— Сядьте. В честь новорожденного Эрканея предлагаю заслушать мой доклад по международному и внутреннему положению нашего дорогого отечественного социалистического и советского государства. Ежели взять на точку зрения международную конъюнктуру современного капитализма и империалистического

хищников антантовской ориентации с их организацией провокационных катаклизмов и гидру...

— Из фершалов, надо полагать!— шепнул кто-то из гостей; клизму, говорит, поставьте новорожденному-то...

Оратор строго посмотрел на шептавшего и внушительно сказал:

— Ежели несознательный элемент, то нить не прерывай!

— Вы, товарищ комиссар, нас извините, можем мы и простые люди, но элементов среди нас нет, все трудящиеся... Напрасно обижаете...

— Опять патыкаюсь на непонимание. Элемент не в смысле, а как перебивает доклад не к порядку дня. Помню, в Цувоенпромхозе, когда поступило требование от Зазенфора, так в транспортной Чусоснабарма был кооптированный предпродкомдив...

— Ежели вы про меня, то потрудитесь не выражаться, гражданин! И вообще считаю... Что ж это? Собрались свои, а он путает...

— Позвольте, я же ничего. Думал—вечер воспоминаний.. А ежели протест,—молчу. Но—предлагаю почтить вставанием память моего незабвенного друга, спящего вечным сном Фильку Сеюшкина, жертву...

— Почитали уже! Довольно! На октябрины пришел, а сам все про покойника. Еще может твой Филька-то бандитом был, а мы его почитай? Будет! Дочитались.

— Оппозиция?—зловеще прошипел оратор: с директивами не знакомы? В грамчека хотите? Ликбезу не пробовали? Цустраха не знаете? Хорошо...

В этот полный трагизма момент с порога послышался голос вновь прибывшего гостя:

— Опять по октябринам комиссаришь, чортова кукла? А ну—геть!—„Комиссар“ юркнул за дверь с быстротой пули.

— Что ж тепеть будет, Васенька?—обратилась к новому гостю мать новорожденного: разгневался комиссар-то?!

— Какой он к псу комиссар? Элемент нетрудовой из торговцев! В лавченке-то жена сидит, а он „комиссарит“. Газету по обязанности выписывает и слова запоминает непонятные. Так, сволочь...

Вл. Павлов.

Немного энциклопедии.

(Ликбез на дому.)

Амстердам—что-то вроде плевательницы; в нем постоянно находится желтый Интернационал.

Бог—прежде: повелитель мира видимого и невидимого; теперь—только невидимого; видимый уже поумнел.

Валютчик—колонизатор Нарымского края. **Великая держава**—крупное государство. Величие определяется здесь по принципу: „Великий до неба, дурный, як треба“.

Десант—отхожий промысел английских империалистов.

Гаврило—это мы. На полгода—2 руб. на 3 мес.—1 р. 20 к.

Жилплощадь—площадь, вытягивающая жилы.

Клуб—см. „Танцы до утра“.

«Ларек»—лучи смерти для частного торговца (ультражелтые).

Ливрея—праздничный костюм соглашателя.

Совбарышня—лицо женского пола, лицо которого—живая реклама: «Все в Жиркость».

Спираль—часть самогонного аппарата.

Патриарх—турецкое слово. В переводе: „Катись колбасой“.

Портфель—сумка для завтрака.

Фашист—четвероногое из породы кровавых.

Шедевр—картина в 10.000 метров.

Гари Бальди.

Через час по столовой ложке.

В одном из госучреждений служащему 2-х недельный тарифный отпуск разделили по неделе на каждый месяц.

— Послушайте, Иванов, сейчас половина четвертого. До четырех можете пойти домой в порядке использования тарифного отпуска.

1

2

3

История царей

16

15

14

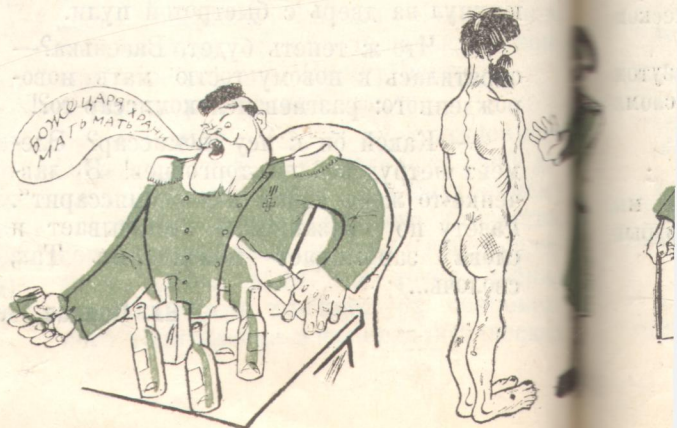

13

Историк нам умильно
Открыл былой секрет:
Земля была обильна
Поряда только нет.
И посему варяги (1)
Пришли из за морей:
— Примите, мол милаги
На должности царей.
Промчался ряд столетий.
В итоге всяких благ,
Варяги дали эти
Романовских ВОРЯГ.
Романов первый—Мишка. (2)
Царить стал с малых лет.
Хотя был глуп парнишка.
Умен был Филарет.
Как патриарх, познаша
Он благо для страны.
И посему папаша
Снимал с царя штаны.
Второй был царь по праву (3)
„Тишайшим“ наречен.
Свой скипетр и державу
Держал, увы, не он.
Народ молчал под гнетом,
Хоть чуял сердцем он,
Что тихим идиотом
Украшен царский трон.
А Петр—сын новинкой (4)
Свершил переворот:
Нагайкой и дубинкой
В Европу гнал народ.
Но в пьяной он горячке

В небесный мир ушел, свой Ара
Своей супруге прачке, да шу
Оставивши престол. Никола
Затем Елизавета, как
Принять решила власть кровави
Увы, девица эта, ждала ст
Одну имела страсть. (6) жанда
В любви стремясь к, а л
В груди таила жар, ..Оев
И шел к царице следо, за н
Зо дворником гуссар, царь бор
Петр третий—царь уб, был б
В уме был не вполне, Ты
Стоял он на дороге, янин н
Красавице—жене, панам
Придворные решили: к пана
— Царица нам нужна, мужик
Супруга придушили, мам
На трон взошла жена, был „
Судьба Екатерины (8) кулаке с
Печальна и мрачна: был един
Куда ни глянь—мужик, духой и
А Катенька одна, мате
Не жаль за ласки Кате, ютку зн
Крестьян, лесов, земле, от пер
Так от ее кровати, бозе с
Помещики пошли, пор
Был внук „благословен“, царь был
Во кротости царил, что бы
Дух святости нетленн, Нико
При жизни проявил, сред
Всех благодатью обвеа, жей жен
Смотрев, как генерал, пок

12

История царей российских.

В небесный мир ушел Аракчеев
Своей супруге прачке
Оставивши престол.
Затем Елизавета
Принять решила власть
Увы, девица эта
Одну имела страсть. (6)
В любви стремясь к
В груди таила жар,
И шел к царице следом
Зо дворником гуссар.
Петр третий—царь убо
В уме был не вполне
Стоял он на дороге
Красавице—жене.
Придворные решили:
— Царица нам нужна!
Супруга придушили.
На трон взойшла жена.
Судьба Екатерины (8)
Печальна и мрачна:
Куда ни глянь—мужик
А Катенька одна.
Не жаль за ласки Кате
Крестьян, лесов, земель
Так от ее кровати
Помещики пошли.
Был внук „благословенн
Во кротости царя.
Дух святости нетленна
При жизни проявил.
Всех благостью обвеа
Смотрев, как генерал

12-м числом.
Подписана бумага
Царем.—Писалось там:
„Признали мы за благо
Уйти ко всем чертям.“
Взвился пунцово флаги.
Кровавый царь казнен.
А прочие „воряги“
Умчались за кордон.
Не знаем, где их носит,
Но слышали чуть-чуть.
Что там „воряги“ просят
На царство их вернуть.
Вот вам Кирил, смотрите, (14)
Все трона ищет плут.
С ним Марков в верной свите
И... Абрамович тут.
В Нью-Йорке тары-бары
Кирилова жена (15)
Ведет, беря доллары.
Чтоб крепла их казна.
А там среди вой, стона,
Под эмигрантский лай
Дерутся из за трона
Кирил и Николай. (16)
Работают „воряги“
На трон собирая дань....
ЖГУТ.

Тьфу! Сколько здесь бумага
Ушло на эту дрянь!

ГАВРИЛО.

„Сам с усам“.

Насмену взяточникам
появились растратчики.
(Из газет).

„Сам“ сегодня сам не свой,
От газет хоть волком вой:

В них проникли вести
О растрате в тресте.
Некий пакостник—раб-
кор

Шлет убийственный
укор

И долбит, как дятел:
„Сам, мол, „сам“ ра-
стратил“.

Взор под'емля к небесам,
Размышляет мрачно
„сам“:

„Мне-б сего рабкора!“

Проучил бы... вора.
Негодяй! Поддел остро!...“
„Сам“ берется за перо,
Что-то предлагает
И опровергает.

От рабкора нет житья:
Снова целая статья.
Цифры и детали,
Дата и так дале...
Не по дням, а по часам
Светский лоск теряет
„сам“,

Путаются мысли
И мозги раскисли
Сам себе тут „сам“
твердит:
„Мда... дела... в упор
глядит

Из статьи рабкора
Око прокурора.
Я ли совестью не чист?...“
„Сам“ в письме в печатный лист
Ругань извергает
И опровергает....

Долго-ль, коротко-ль, а
„сам“,
Лоск придавши волосам,
В утреннюю пору
Едет к прокурору...
Не вернулся „сам“ в
свой трест
Он сидит в одном из
мест,

Где, не знаем точно,
Но довольно прочно.
И лия слезу из глаз,

В письмах он (в который раз?)
Горестно вздыхает
И опровергает...

Нума.

ОБОРМОТОВ И ЕГО ЖЕРТВЫ.

Помзав отделением амвро-
сиевского кооператива при
ст. Кутейниково, гр. Бурцев
нечистоплотен и неопытен.
Одним и тем-же ножом режет
мыло и рыбу. Кроме этого,
Бурцев недопустимо грубо
обращается с покупателями.

Помзавмагазином Обормотов дико, как
на приведение, помотрел на покупателя,
и, хлопнув по прилавку кулачищем, уку-
ризненно сказал:

— Ну какого лешего тебя сюда при-
несло, скажи на милость?

— Мне бы... хлеба бы... фунтик бы,—
залепетал оторопевший покупатель.

Обормотов отрезал кусок мыла и
швырнул его на пол.

— На... жри, да не подавись!

— Виноват... вы тово... изволили оши-
биться.

— Молчать! Скотина о четырех ногах,
да и то спотыкается, а мне ошибаться и
бог велел... Еще чего, тебе?

— Кккрупы.

— Что-о? Крупы? Какой крупы? Я тебе
дам крупы, своих не узнаешь. Не желаю,
чтобы ты крупу покупал, да и все тут.
На, осьмушку соды жри...

— Но мне для супа...

— Не разговаривать...

Обормотов насыпал на одну чашку
весов соды, а другую придавил пальцем.

— В аккурат осьмая... Подставляй
шапку, кульков у нас не полагается... Да
говори же, анафема, чего еще надо; не
задерживай публику, меня то-есть.

— Мммаслица подсолнечного.

— Тебе какого того или эстого? спра-
сил Обормотов, тыкая носом покупателя
в банки с мазутом и краской: эстого или
того, то...

— Что это оно как будто тово... не
совсем свежее и вообще...

— Первыей сорт. А ежели ты
сволочь, сомневаешься, так на-ж попробуй,
убедись, Фома неверный, на практическом
опыте.

И Обормотов ткнул ложкой с мазутом
в рот покупателю. Но последний, сломав
голову, вылетел из лавки.

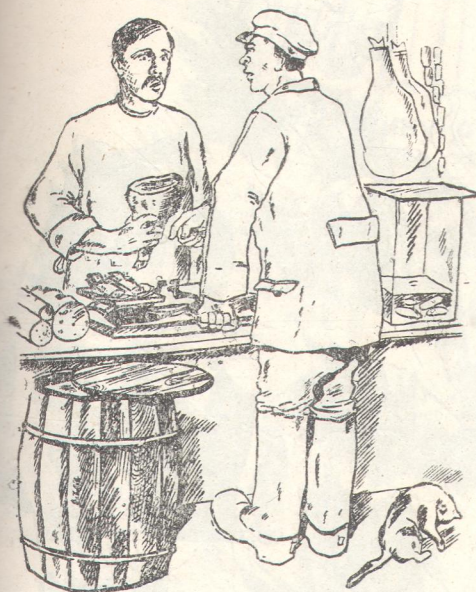
Это, конечно, фантазия. Но чем мы
гарантированы, что неопытный и грубый
Бурцев не дойдет до этого.

Отвести бы его от греха!

Михей.

Все в порядке.

В лавке ХЦРК продают ветчину вместе со шкуркой и щетиной.

— Что-же вы мне на 1 фунт свинины четыре копыта кладете?

— Извините. Уже такой кабан попался. В следующий раз постараемся.

Шишка.

Когда тов. Поляков из наших Полтавских паровозных мастерских на станке работал, был парень как парень. А, получив назначение в монтеры, стал нос задира́ть и на всех матерщинничать.

(Из писем).

Во время обеденного перерыва Алешка Жибриков неожиданно сказал ребятам:

— Попро́су, товарищи, внимания и бросьте шамать в такой торжественный момент. Тиш-ш-ша!..

Потом стал на стол, как на трибуну, и, поглаживая свои редкие усики, продолжал напускным баском:

— Знаете ли вы, товарищи, кто я есть такой, или не можете себе этого факта вообразить?

— Хо-хо-хо, загоготали ребята, думая, что весельчак Алешка собирается отточить очередную шутку—хо-хо... кто же ты? Известно, Алешка Жибриков, а по прозвищу „Кочерга“.

— Прогло́ти язык и не дыши! побагровел Алешка—за намек на личность при исполнении служебных обязанностей, взыщу опосля... А теперича... шапки долой!!

Ребята шутливо повиновались.

— Чего зубы то скалите? Трепетать нужно... Эй, ты, капелюха. Как твоя, капелюха, фамилия? А-а, Васильев... Напомни

мне, пожалуйста, милейший, чтоб я на свободе за неповиновение новоприставленному начальству в смысле шапки матом тебе обложил, сукина сына... Слушайте, всем, всем, всем и прочим. С сегодняшнего дня я свыше назначен монтером. Вот приказ.

— Дык вот оно что, пробурчал кто-то.

— Не рассуждать, рычал Жибриков: не забывай перед кем находишься. Ты бы, олух, поклониться мне должен. С назначением, дескать, вас Алексей Иванович, с повышением. Никто нибудь ад-ми-ни-страция перед вами. Собственно лично... Да-с-Я, может, по сему случаю портфель себе заведу, мне, может, теперь сам директор ручку соизволит подать...

Чувствуешь, милюзга?!

— Алешка, да брось ты ломаться, крикнул Васька Пнев—неужто ты взаправду?...

— Что-о-о-с?! Да как-же ж ты смел?! Да, я тебе в 24 мига под сокращение подаведу за такие неуважительные тыкания. Да знаешь ли, кто мы есть такие. Мы—власть, я сила, мы—персона, я... я... Музыка, туш!

М. С.

«Танц-врач».

Врач 1-го госкоалинового зав. (Глуховцы, Берд. о.) отказал в медпомощи жене рабочего в виду того, что „у него сегодня вечер танцев“. Кроме того врач был пьян.

В Глуховцах совсем не глухо, Хоть и глух к больному врач:

Звуки польки режут ухо,

С дамой врач несется вскачь.

Он в ударе и в угаре—

Зелье души веселит.

Столько жару в этой паре,

Что из пары пар валит.

— „Что, больной? Не видишь? Занят?

Жажду пищи для души!

К одному меня лишь тянет;

Век живи и век пляши!

Потому-то, оттого-то

Сделай, братец, сгоряча

Нечто вроде поворота

От ворот и от врача!...

А когда рабкора строчки

Стукнут по лбу „танц-врача“,

В гневе он дойдет до точки,

Чертыхаясь и рыча:

— „Что за подлость в человеке!

Уж не знаю, как назвать.

Соберешься в кои веки—

И нельзя потанцевать....

Нума.

- Так как-же у вас на счет новой калькуляции в потребилке?
- Хорошо!.. На другой день, как из Москвы получили уся разошлась.

Про шваль...

На Шварцевском руднике двое рабочих свалились в неогороженную яму и получили тяжелые ушибы. Когда об этом сообщили мастеру Маслову, он матерно выругался и сказал: такой швали, как рабочие, хватает. (Коммунист).

Виноват сей тип едва ли,
Что за ямой не следил
И словечки, вроде „швали“,
Средь рабочих разводил.

Он такой уж по природе
Дядю следовало-б взгреть.
И при всем честном народе
За ворота попереть.

Это-б очень пригодилось,
Мы-б услышали ответ:

— Маслов был и шваль водилась,
Нет его, и швали нет!

НЮ.

Грязевые разговоры.

— Это правда, что харьковскую грязь будут вывозить за границу на удобрение?

— Этого я не знаю, но, что на Лермонтовской открывается грязелечебница—это факт.

— А если грязи не хватит?

— Пустяки, перевезут с Пушкинской. Гороткомхоз подсчитал, что хватит на 20 лет при самом широком потреблении.

Метрическое несварение.

— Слушайте, дядько, сколько отсюда до города?

— Кто его знает. Раньше было верст пять, а теперь может килограммов двести, да еще с гаком.

Под гармошку обо всем понемножку

Константиновка. Уполномоченный артели охранников стекольно-химических заводов гр. Горбачевский сказал жене инвалида, пришедшей просить работы: — Переночуй со мной, тогда приму.

Раз парнишка сей рискует
Говорить сии слова,
Так пускай себе ночует
В Допре годик или два.

Помзав хлебопекарни ЦРК (Запорожье) Азарьянц явился в пекарню вразрезги пьяный, разбил окно, назвал всех гадами и паразитами.

Жарил „гадом“ парень в темя,
„Паразитами“ всех грел.
Очевидно, в это время
Парень в зеркало смотрел.

В Ново-Збурьевке, Херсонск. окр. один кулак позвал к себе в гости дьякона. После здоровой выпивки кулак отрезал пьяному дьякону косу.

Совершилось постриженье,
И вещал народу он:
— Нас постриг на услуженье
Преподобный самогон.

При Агропункте есть экономия. Там всех животных моют мылом, а 200 рабочих до сих пор ходят без бани.

Удивляться тут не стоит,
Всем понятно, в чем беда:
Свой своих всегда помоем,
А чужого никогда.

Ж-т.

„Лісовий звір“.

— Что этот гражданин каждый день эту картину смотрит.

— А это бывший полицейский. Хочет раскритиковать сцену с погромом.

ПО ПИСАНИЮ.

Арендатор мельницы и маслозавода Дондиг (Ново-Александровка Запорож. окр.) не платит денег рабочим и в то же время одолжил церковному совету 150 руб.

Кесарево кесареви

божие богами.

ПРИКАЗЫ ГАВРИЛЫ.

ПРИКАЗ № 18.

Рабкор Гайка с Томашпольского сахарного завода жалуется:

«При моей квартире за стеной помещается целое стадо чьих-то свиней, которые по вечерам, когда я, пользуясь свободной минутой, берусь за перо,—своим визгом, хрюканьем и дракой не дают мне покоя».

Рабкору Гайке приказываю разузнуть, какого происхождения это свинство? Быть может, кто-либо из власти имущих устроил сюда своих родственников на всем готовом, вплоть до ставки по 17-му разряду с 50% нагрузкой? Если это так, то немедленно, взявшись за перо, воткнуть оное по принадлежности.

ПРИКАЗ № 19.

Из Вознесенска пишут такое:

Безработный тов. Б заболел. Союз дает ему записку в Райполиклинику с просьбой оказать помощь. Регистратор направил его к заведующему поликлиникой. Заведующий переслал к секретарю страхкасы за разъяснением. Секретарь направил его к Преду за ответом по существу. А ответ по существу был краток: „Безработный помощь оказана быть не может“.

Ясно, что и зав, и секретарь, и пред больны. Болезнь известная: бюрократическое воспаление мозговых оболочек.

Посему приказываю: В срочном порядке сделать вышеуказанных работников безработными, коим „помощь

оказана быть не может“. Да и зачем им помощь? Больны они безнадежно.

ПРИКАЗ № 20.

Из Кадиевки жалуются на своеобразную украинизацию:

Учитель украинского языка в нашей школе—семидесятилетний на уроке в 7-й группе обозвал учеников „сволочами“ и посоветовал „убираться вон“.

Громодянину та добродію Даневському наказую: Встати у ранці раненько, одягтися чепурненько, та геть до бісового батька! Ось що!

ПРИКАЗ № 21.

А вот на что плачутся рабочие „Новой Баварии“:

Коммерческий директор Пивоваренного треста тов. Баев, совершенно не считается с постановлениями КРК и собственной властью отменяет их.

Приказываю: Напомнить ретивому директору, что „Новая Бавария“ не старая Бавария, где никаких КРК не полагается. Это раз. КРК—это конфликтно-расценочная комиссия, полномочный орган, постановления которого обязательны даже для коммерческих директоров. Это два. Пивная бочка как бы прочна она ни была, исполнять обязанности мыслительного аппарата коммерческого директора не может. Это три.

ПРИКАЗ № 22.

Из села „Красная Поляна“ Луганского округа жалуются:

Есть у нас миллионер, который как увидит детисшек возле

театра, тотчас ловит и начинает лупить.

Жителям „Красной Поляны“ приказываю:

Пожалуйте бедного миллионера. Потому он детисшек бьет, что его в детстве тоже часто били и главным образом по голове. Оттого он такой и умный.

ПРИКАЗ № 23.

А в городе „Красный Луг“ совсем чудеса совершаются:

Приходит рабочий в лавку. Рабочка купит хлеба, а ему говорит: Берите вино русскую горькую. А без этого хлеба дать вам не можем.

В виду срочности дела приказываю: Окатить за несколько ушатом холодной воды,—потому у него это от излишка «русской горькой» такая хозяйская сметка появилась.

ПРИКАЗ № 24.

Со станции Алмазной вопиют:

В Алмазную группу завод в качестве заведующего материальным отделом, поступил некий Якубович, записавшийся в последствии в Союз. Металлистов Оказывается, что сей муж раньше был псаломщиком.

На основании 45-го псалма Давида, приказываю:

Чадо Якубович! Блажен муж, иже не идет во совет металлистов. Отойти от зав и сотвори благо, пока не предавали про твоё псалмописание а не то десница профсоюзная коснется одесную и ошут спины твои и будет плач и поругание. Аминь.

ГАВРИЛО.

ЗАДАЧА НА ПРЕМИЮ.

На том месте, при дороге
 стоит, на нем—доска.
 Есть, но все в итоге
 многие века.
 Было, видно, там три слова.
 Но от разных перемен
 Разобрать легко толково
 Лишь три буквы: „Н. П. Н“.
 Много той к проселку
 ходил и проежжа,
 Буквы втихомолку
 по своему читал.
 Те, что нас уже признали,
 Продолжая мыслей нить,
 Эти буквы так читали:
 „Надо пользу находить“.
 что все-а е упирались
 не поныне признавать,
 бедоить себя старались:
 „пожалуй наплевать“.
 Проходил Чернов с Кусковой.
 Позабыв былую пруть.
 И читали слово в слово:
 „Нашей партии не жить“.
 Трагик шел горделиво
 им вослед—ажеспец
 так прочли пугливо:
 „очистят наконец“.
 А потом пришел Гаврило,
 Под гармошку трель завел,
 Посмотрел и очень мило
 Все по своему прочел.
 прочел он? Всяк вникая
 пусть пришлет нам свой ответ.
 нет премия... Кака?
 наш, пока секрет.

КОРМИЛИЦА.

Английский министр иностран-
 ных дел Чемберлен заявил, что Лига
 Наций еще в младенческом состоя-
 нии.

10 заповедей гаврилора.

1. Я есть Гаврило твой и да не будет
журнала лучше меня.
2. Сотвори себе тему: елика в правле-
нии—горе, елика в мастерской—внизу,
елика в шахте под землею.
3. НЕ ПРИЕМЛИ ЛИПОВОГО МАТЕ-
РИАЛА.
4. Помни час рабкорский, еже писати.
8 часов у станка подымай производи-
тельность твою, час-же вечерний—жур-
налу твоему.
5. Чти завком твой и администрацию
твою, но и за ними посматривай.
6. Не таяни волюнку.
7. Не халтуру сотвори.
8. Не укради истины, красного словца
ради.
9. Не посылай в „Гаврилу“ твоего
свидетельства ложна.
10. СПОСОБСТВУЙ ПОДПИСКЕ НА
„ГАВРИЛУ“.

И у директора и завкома и у ячейки,
 и в комсомоле и среди пионеров и среди
 всей братвы рабочей.

ЦЕНА—НА МЕСЯЦ 40 КОП.

— Сэр Чемберлен, это вы-ли?
 — Еще не выли, но скоро завоюем
 таким ребеночком.

РЕДКАЯ НАХОДКА.

„ГАВРИЛО“: Показал большую дерзость, сел на шар земной орлом и нашел эту мерзость я у бога под столом. Не пиши так однозвучно, покорись своей судьбе, чтоб тебе не было скучно, всех царей пошлем к тебе.

Укрголовліт. № 892.

Харьков. Тип. Ц.К.К.П.(б).У. „Коммунист“. Зак. № 4706/7127.
[8-7 (05) (47714x) „1925“].

Тир. 10.000.

Цена 20 коп.